

Е.А. ЗДРАВОМЫСЛОВА, А.А. ТЕМКИНА

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА

Критика биологического детерминизма

Представление о гендере как социальном конструкте основано на отрицании биологического детерминизма в понимании отношений полов. Биологический детерминизм представляет собой подход, согласно которому отношения, складывающиеся между полами в обществе, рассматриваются как дериваты принадлежности к биологическому полу. Предполагается, что все социальное биологически фундировано и только как таковое считается естественным и нормальным. Таким образом закрепляется внеисторизм и эссенциализм (сущностная неизменность) сложившихся отношений между полами и вообще социальными группами, различающимися по биологическим признакам. Богу – богово, человеку – человеческое, негру – рабство, белому – президентское кресло. Природа человека, с этой точки зрения, двойственна – все на свете делится на “мужское” и “женское”.

Биологический детерминизм представляется неприемлемым феминисткам, ориентированным на слом гендерной стратификационной системы. Они ставят целью разработать идеологию, т.е. теорию, ориентированную на социальные изменения. В феминистском политическом макропроекте социальная теория выступает как обоснование социальных изменений и коллективных действий. Феминистская теория противостоит здравому смыслу биологического детерминизма или фундаментализма. Известный социологический тезис “все в мире социально сконструировано” используется для изучения социальных отношений между полами.

В “Энциклопедии феминизма” Л. Таттл, опубликованной в 1986 году, дается определение социального конструктивизма как “представления, что статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеют биологического происхождения, а, скорее, являются способом интерпретации биологического, легитимным в данном обществе” [1, р. 305]. Половые роли сконструированы; и мужчины, и женщины создаются, ими не рождаются. Тезис Симоны де Бовуар “женщиной не рождаются, женщиной становятся” (равным образом, не рождаются и мужчиной) – символ веры данного направления. Таким образом утверждается, что не существует ни женской, ни мужской сущности. Биология не есть судьба ни для мужчины, ни для женщины, нет заданных изначально женского/мужского страдания и женской/мужской депривации (вопреки утверждению З. Фрейда). Все мужское и женское, молодое и старое создано в разных контекстах, имеет разные лица, наполнено различным содержанием опыта и различными смыслами.

Авторы работают в Европейском университете в Санкт-Петербурге. **Здравомыслова Елена Андреевна** – кандидат социологических наук, доцент. **Темкина Анна Адриановна** – доцент. Адрес: 191187 Санкт-Петербург, ул. Фурманова, 3. Телефон: (812) 275-51-33. Факс: (812) 275-51-39. Электронная почта: zdrav@socres.spb.su

Социальное конструирование и феминистское движение

Феминизм многолик и противоречив. В его рамках сосуществуют несколько исследовательских подходов. Во второй половине 1980-х годов в рамках женского движения был подвергнут сомнению доминировавший тогда феминистский тезис об общности женского опыта страдания. Были поставлены под сомнение декларация женской общности, выражаемая обращением “сестры”, категория женщины как единства познаваемого и познающего. На этом этапе вызов доминирующей феминистской позиции исходил преимущественно от цветных женщин, в том числе чернокожих американок. Они определили весь предшествующий феминистский дискурс как обсуждение белыми женщинами, принадлежащими к среднему классу, своих проблем, не имеющих отношения к опыту женщин из других этнических, социальных, религиозных групп. Частный опыт имеет локальный характер, и его генерализация недопустима. Приписывание всем женщинам опыта американок, принадлежащих среднему классу, есть еще одна попытка белых женщин элиты утвердить свое дискурсивное господство над меньшинствами разного рода.

В качестве реакции на доминирование возникают национальные, локальные и этнические “феминизмы”. Например, Б. Хукс пишет, что в большинстве текстов, написанных белыми женщинами по женскому вопросу, начиная с XIX века и до сих пор авторы пишут о людях (вообще), а имеют в виду белых людей, при этом говорят “женщины”, но имеют в виду белую женщину. Соответственно, термин “черный” часто употребляется у них как синоним «черных мужчин». Хукс приходит к заключению, что в США белые мужчины являются угнетателями белых женщин, но белые мужчины и женщины одновременно являются угнетателями черных [2]. Таким образом, система господства конструируется и воспроизводится на разных уровнях в рамках одной расы и между расами.

В основе нового представления цветных феминисток о гендерных отношениях лежит опыт депривации и страдание определенных групп женского движения, которые не вписывались в сложившуюся парадигму. Переживание несправедливости становится стимулом для формирования нового теоретического подхода, который поставил под сомнение полоролевые стереотипы и содержание гендерного отношения как такового. Меньшинства феминистского движения (цветные) оказались немymi, лишенными голоса в публичном дискурсе феминизма. Единственная возможность стать видимыми и слышимыми заключалась для них в переосмыслении теоретических оснований той концепции, которая оставила их опыт за пределами публичного дискурса, который, по Ю. Хабермасу, является дискурсом о справедливости и правах человека. Задачей новых сил феминистского движения конца 1980-х годов становится деконструкция гендерных отношений, т.е. рассмотрение их генеалогии и археологии.

Термин “деконструкция” нуждается в комментарии. “Деконструкция” заключается в новом прочтении кантовского понятия “критики” и представляет собой прояснение оснований гендерных отношений. Деконструкция отвечает на вопрос, как возможны гендерные отношения в данном обществе, каким образом они создаются, принимая вид естественных и имманентно

присущих индивиду, группе, социуму. Если признать, что гендер сконструирован как общественные отношения властного взаимодействия, можно поставить вопрос об их проблематизации и перестройке.

От деконструкции – к безгендерному обществу?

Теория социального конструирования гендера, как и любая феминистская теория, ориентирована на политический результат. В этом отношении есть все основания считать ее идеологией. Идеология в данном случае понимается не как ложное, искаженное интересами знание, а как знание, ориентированное на изменение социальных порядков. Социальный порядок будущего, по мнению Д. Лорбер, должен быть основан на гендерном равенстве. Это не означает, что утопический социальный мир не будет знать различий между мужчинами и женщинами. Различия, в том числе различия между разными статусом, разные возможности. Заключительная глава монографии Д. Лорбер и С. Фарелл называется “Разрушение Ноева ковчега” [3]. Эта метафора отсылает нас к библейскому мифу о попарном разделении “тварей”, мифу, отражающему древнейшие эссенциалистские представления. Биологическая дихотомия полов проявляется в частной жизни, социальной структуре, культуре, политике. Позиция социального конструктивизма заключается в том, что идеологию и практику “Ноева ковчега” необходимо разрушить. Предполагается, что можно создать утопию феминистского Города-солнца, в котором будут существовать безгендерный секс, безгендерная семья, безгендерная профессиональная организация и безгендерная политика.

Три источника социального конструирования гендера

Первый источник, на котором базируется конструктивистское представление о гендере, – концепция П. Бергера и Т. Лукмана, получившая широкое распространение с 1966 года, когда вышла в свет их книга “Социальное конструирование реальности” [4]. Социальная реальность, по Бергеру и Лукману, является одновременно объективной и субъективной. Она отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида, и ее можно рассматривать как субъективную, потому что она создается индивидом. Авторы развивают основные идеи социологии знания, сформулированные М. Шелером [5], и вслед за К. Манхеймом распространяют область социологии знания на мир повседневности [6]. Предметом социологии знания оказывается прежде всего происхождение социальных порядков. Феминистские последователи социального конструирования гендера ставят перед собой аналогичную задачу. Гендер – это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в “практиках”, представлениях, нравах; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться, – она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия. Задача исследователя – выяснить, каким образом создается мужское и женское в социальном взаимодействии, в каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится.

На первый взгляд, представление о социальном конструировании гендера вписывается в теорию гендерной социализации – теорию половых ролей.

Однако здесь требуются уточнения. Теория полоролевой (гендерной) социализации, сформулированная, в частности, в работах Т. Парсонса и Р. Бейлса [7], М. Комаровски [8], доминировала в мировой социологии вплоть до 1970-х годов. Ее суть заключается в том, что половые роли усваиваются в процессе социализации. Агенты социализации формируют личность, которая интериоризует культурные нормы и ценности, в том числе образцы фемининного (женского) и маскулинного (мужского). К числу агентов (институтов) социализации относят семью, школу, группы сверстников, значимых других, средства массовой информации, и т.д. В центре теории социализации – процесс научения и интериоризации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социальную систему. Научение предполагает усвоение и воспроизведение личностью существующих норм, а сама личность трактуется как относительно пассивная сущность, воспринимающая образцы культуры, но не создающая их.

Акцент на пассивности составляет первое отличие традиционной теории гендерной социализации от теории конструирования гендера¹. Идея конструирования, напротив, подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта. Субъект создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Сама идея создания подразумевает возможность изменения социальной структуры. С одной стороны, гендерные отношения являются объективными, потому что индивид воспринимает их как внеположенную данность, с другой – они субъективны как социально конструируемые в повседневности.

Второе отличие теории социализации от обсуждаемого здесь подхода заключается в том, что гендерное отношение понимается как конструированное не просто как различие-дополнение, а как отношение неравенства, где доминирующие позиции занимают мужчины. Дело не только в том, что, по Парсонсу, в семье и в обществе мужчины выполняют инструментальную, а женщины – экспрессивную функцию, а этим функциям соответствуют разные роли. Исполнение предписанных и усвоенных ролей подразумевает неравенство возможностей, преимущества мужчины в публичной сфере, вытеснение женщины в сферу приватную. При этом приватная сфера оказывается менее значимой, менее престижной и даже депривированной в современном западном обществе.

Возникает вопрос, в каких контекстах создается гендерное отношение? В теории социального конструирования ответ на этот вопрос связан с социологическим интеракционизмом. Утверждая, что гендер создается в повседневности, исследователи приходят к выводу, что для понимания его оснований необходимо обратиться к анализу микроконтекста социального взаимодействия. Второй источник, на который опирается эта феминистская теория, – драматургический интеракционизм И. Гофмана [9, 10]. Гендер рассматривается в данном случае как результат социального взаимодействия и одновременно его источник.

¹ У Бергера и Лукмана термин “социализация” рассматривается неортодоксально – не только как процесс усвоения ролей, но и как процесс выработки новых правил.

В теории социального конструирования гендера различаются три понятия: пол (sex), принадлежность к полу и гендер. Вначале, утверждают они, в феминистском дискурсе и в социологии вообще бытовало устойчивое представление о том, что пол – это анатомическая, физиологическая данность, константа, иными словами, приписанный (аскриптивный) статус. В отличие от пола, гендер это достигаемый статус, конструируемый психологическими, культурными и социальными средствами. Такое различие пола и гендера доминировало в феминистской литературе в 1960-е – начале 70-х годов. Считалось, что гендерная константа формируется у ребенка к пятилетнему возрасту, затем лишь обогащается соответствующим опытом, воспроизводится и укрепляется. Гендерная константа становится личностным атрибутом, который рано фиксируется и остается неизменным и неотчуждаемым. В этом смысле гендерная константа может быть уподоблена биологическому полу. Трудно утверждать, что гендер является достигаемым статусом, если он достигнут к пятилетнему возрасту и дальше не изменяется. В таком случае можно считать, что он функционирует как аскриптивный или приписанный статус.

Сомнение в том, что пол и гендер различаются как приписанный и достигаемый статусы, приводит к новому определению этих понятий. Значительное влияние на их реинтерпретацию оказало обсуждение проблем гомосексуалистов и транссексуалов, а также данных биологических исследований, согласно которым однозначное приписывание пола по хромосомным и генетическим признакам затруднительно. Явления, прежде рассматривавшиеся как аномалии, болезни, перверзии, в постсовременном дискурсе рассматриваются как варианты нормы. Новые факты приводят феминистских авторов к выводу, что не только роли, но и самая принадлежность к полу приписывается индивидам в процессе взаимодействия. Их основной тезис заключается в том, что пол также является социальным конструктом.

Интеллектуальная работа по деконструкции пола была стимулирована этнометодологическими исследованиями Г. Гарфинкеля, которые можно считать третьим источником данного подхода. Г. Гарфинкель внес исключительный вклад в теорию гендерных отношений. Особую известность получил описанный им “случай Агнес” [11]. Агнес с рождения до восемнадцатилетнего возраста воспитывалась мальчиком, так как при рождении имела мужские гениталии. В восемнадцатилетнем возрасте после мучений пубертата, когда сексуальные предпочтения и телесная идиома вызвали личностный кризис, она поменяла идентичность. В восемнадцать лет герой (героиня) принимает решение стать женщиной. Она считает гениталии, которые прямо относят ее к мужскому полу, – ошибка природы. Ошибка природы, по мнению Агнес, подтверждается тем фактом, что ее везде принимают за женщину, а сексуальные предпочтения, которые она испытывает, – женские: в качестве сексуального партнера для нее привлекателен мужчина и все ее повадки фемининные. Агнес решает поменять идентичность, покидает родительский дом и городок, в котором она жила, меняет внешность и имя. Она убеждает хирургов, что ей необходимо сделать операцию по смене половых органов. Производится хирургическая реконструкция гениталий. Через некоторое время у Агнес появляется сексуальный партнер мужского пола. Теперь

в связи с изменением биологического пола перед ней стоит жизненно важная задача – стать женщиной. Молодая женщина должна решить эту задачу, не имея врожденных сертификатов женственности, не имея изначально женских половых органов, не пройдя школу женского опыта, который частично известен, но во многом незаметен и растворен в материи человеческих взаимоотношений. Для нее исключительно важны признание в обществе, интеграция в рутину повседневности. Создание собственного гендера и категоризация пола в повседневной жизни становятся сознательной работой Агнес, она занята тем, чтобы убедить общество в том, что она всегда была женщиной. Гарфинкель называет Агнес методологом-практиком и истинным социологом, потому что, попадая в проблемную ситуацию гендерного сбоя (*gender trouble*²), она начинает осознавать механизмы создания социального порядка.

Случай Агнес, проанализированный в феминистской перспективе, позволяет заново осмыслить феномен пола. Феминистки предлагают различать биологический пол и категоризацию по признаку пола как социальное отношение. Пол – это совокупность биологических признаков, которые являются лишь предпосылкой отнесения индивида к биологическому полу. Категория пола является социальной идентификацией. Наличие или отсутствие соответствующих первичных половых признаков еще не гарантирует отнесения индивида к определенной категории по полу. Категоризация по признаку пола может совпадать, но может и не совпадать с биологическим полом индивида. К. Уэст и Д. Циммерман приводят следующий пример приписывания пола [13]. Покупатель (социолог) приходит в компьютерный магазин и обращается к продавцу за консультацией. Он обращается к продавцу и сталкивается с затруднением в коммуникации – не может определить, пол человека, которому он адресуется свой вопрос. Коммуникация “ползет”. Неудобство, вызванное невозможностью идентифицировать пол собеседника, обозначается как гендерное затруднение (“*gender trouble*”). Действительно, эффективная коммуникация требует определения пола взаимодействующих.

Биологический пол и категория принадлежности к полу аналитически различаемы. Если биологический пол определяется через наличие физиолого-анатомических признаков, то приписывание половой категории происходит в ситуации межличностного взаимодействия. Биологические признаки пола скрыты под одеждой, их корреляты устанавливаются в контексте взаимодействия. Вспомним известную песню: «Кавалеры приглашают дам: там, где брошка, – там перед... Дамы приглашают кавалеров: там, где галстук, – там перед...» По Гофману, внешний вид, голос, почерк являются универсальными инструментами идентификации [10]. Однако эти инструменты идентификации пола срабатывают не всегда.

Авторы данной статьи проводили тренинг со студентами по установлению признаков внешности, являющихся половыми идентификациями. Черты лица, не акцентирующие женственность и мужественность, не всегда свидетельствуют о поле. Волосяной покров на лице часто определяется принадлежностью к расовой или этнической группе. Размеры конечностей также не позволяют определенно указать на его/ее пол. Голос – еще более неочевид-

² Термин “*gender trouble*” заимствован из заглавия книги Д. Батлер [12].

ный признак, особенно у гомосексуалистов. Гормональные особенности, влияющие на голосовые связки, могут сделать голос ошибочным идентификатором пола. Одежда, украшения, прическа сегодня не воспринимаются как надежные маркеры пола. Таким образом, не существует достаточного количества внешних признаков, которые могут однозначно показать, к какому полу принадлежит человек.

Когда пол того, с кем взаимодействуешь, известен, коммуникация работает. Если возникает проблема идентификации, коммуникация дает сбой. Таким образом исследователи подходят к выводу, что приписывание пола (категоризация принадлежности по полу) является базовой практикой повседневного взаимодействия; она становится необходимым неререфлексируемым фоном для социальной коммуникации. Когда категоризация по полу затруднена, возникает коммуникативный срыв. Конституирование принадлежности к полу определяется культурным контекстом. Отсюда следует вывод, что гендерные отношения – это конструируемые культуры, а “работа” культуры по приписыванию половой принадлежности называется гендером. Конструктивисты считают, что гендер – это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка [13, с. 97-99].

Гендерный дисплей

Межличностная коммуникация сопровождается фоновым процессом созидания гендера – эта работа обозначается как “doing gender”. По Гофману, гендерный дисплей представляет собой механизм создания гендера. Вслед за Гофманом конструктивисты утверждают, что гендерные отношения невозможно свести к исполнению половых ролей, что гендер нельзя сменить, подобно платью или роли в спектакле. Он сросся с телами агентов взаимодействия. Гендерный дисплей как представление половой принадлежности во взаимодействии столь тонок и сложен, что его исполнение не может быть сведено к репликам, костюмам, гриму и антуражу. Его образуют вся атмосфера социальной сцены, в том числе стиль, хабитус, я-концепции. Эта виртуозная игра срослась с жизнями актеров, она не столько играется (конструируется) ими, сколько является естественным проявлением их сущности (биологического пола). В этом и заключается загадка конструирования гендера – каждую минуту участвуя в маскараде представления пола, мы делаем это так, что игра кажется нам настоящей. Отражает ли гендерный дисплей биологическую сущность пола³? Аргумент прост – гендерный дисплей не универсален, а культурно детерминирован. Разные широты, разные истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные дисплеи, что затрудняют их сведение к биологическим детерминантам. Гендер не сводится к совокупности психологических черт личности. Представители феминистского конструктивизма считают, что психологизация гендера препятствует по-

³ Один из респондентов рассказывал о различии женского и мужского предназначения так: “Если у тебя есть эта штука – это одно, а если нет – надо дома сидеть.”

ниманию гендерной специфицированности социальных институтов. Гендерные отношения как социальные отношения неравенства по признаку пола, встроены в социальный порядок таким образом, что приписывание психологических черт является лишь аспектом этих отношений. Гендер не сводится и к социальным ролям мужчины и женщины. Роль ситуативна, а гендерная вариация присутствует во всех ролевых репертуарах, пронизывает все ролевые спецификации, является базовой идентичностью.

В основе межличностной коммуникации лежит потребность в уверенной идентификации партнера. Сама возможность категоризации по полу является залогом коммуникативного доверия, зачастую нерелексированного условием самой возможности взаимодействия. Героиня сказки Аксакова "Аленький цветочек" Настенька не смогла сформировать образ "чудища безобразного" по тем фрагментам дисплея, которые составили основу их коммуникации. Великолепный дворец, волшебные подарки, ласковый голос, аленький цветочек – всего этого оказалось недостаточно. Хотя она и знала, что хозяин дворца – чудище, но внешний вид чудища не представляла и была готова воспринять его таким, каким диктовало ее неискушенное воображение. Этот сказочный эпизод иллюстрирует настоятельную потребность личности в идентификации коммуникатора. Для эффективной коммуникации в мире повседневности необходимо испытывать доверие к коммуниканту, прежде всего, считать его социально компетентным человеком. Быть мужчиной и женщиной и проявлять это в гендерном дисплее – значит быть социально компетентным человеком, вызывающим доверие и вписывающимся в коммуникативные практики, принимаемые в данной культуре. Условием доверия является неартикулированное допущение, что действующее лицо обладает целостностью, обеспечивающей когерентность и преемственность в его действиях. Эта целостность или идентичность мыслится как основанная на некоей сущности, которая проявляется в многообразии поведенческих дисплеев женственности и мужественности.

Средства выражения принадлежности к полу Гофман называет формальными конвенциональными актами. Это своего рода модели уместного в конкретной ситуации поведения, построенные по принципу "утверждение-реакция" и способствующие сохранению и воспроизводству норм повседневного взаимодействия. Исполнителями конвенциональных актов являются социально компетентные действующие лица, включенные в социальный порядок, который гарантирует им защиту от посягательств безумных (социально некомпетентных) индивидов. Примеры конвенциональных актов – контекстов гендерного дисплея – неисчислимы. Всякое ситуативное поведение и всякое "сборище" мыслятся как гендерно окрашенные. Официальная встреча, конференция, банкет – один ряд ситуаций; деловой разговор, исполнение работы, участие в игре – другой; формы воспитания, сегрегация в использовании институциональных пространств – третий. Таким образом, гендерный дисплей представляет собой совокупность формальных конвенциональных актов взаимодействия.

Проблематизация связи гендерного дисплея с контекстом эффективной коммуникации привело к использованию конструктивистских понятий подотчетности и объяснимости (accountability). Процесс коммуникации предпо-

лагает негласные допущения или условия взаимодействия. Когда человек вступает в коммуникацию, он демонстрирует себя, сообщая некую информацию, способствующую формированию “коммуникативного моста” – отношения базового доверия. Так, снятие перчатки для приветствия в западной культуре демонстрирует миролюбивые намерения и готовность к переговорам. Начиная общение, коммуникатор представляет себя как лицо, вызывающее доверие. При этом воспроизводство дихотомии мужского и женского в гендерном дисплее гарантирует сохранение социального и интерактивного порядка. Как только дисплей выходит за пределы подотчетности, перестает вписываться в общепринятые нормы, его исполнитель попадает в ситуацию “гендерного сбоя”. Если женщина попробует стать тамадой в грузинском застолье, если современный русский мужчина возьмет бюллетень по уходу за ребенком при живой-здоровой матери, если мальчик в детском саду открыто выразит свое предпочтение игре в куклы, все эти персонажи столкнутся с сомнением общества в их социальной компетентности как мужчин и женщин. Нарушение гендерного дисплея грозит остракизмом, но вместе с тем способствуют формированию эмерджентных норм. Мадам Кукшина – образ нечистоплотной эмансипе из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» – противопоставлен Одинцовой как эталону женственности. Сегодня повадки Кукшиной не считаются отклонением от допустимых норм проявления женственности.

Гофман полагает, что гендерный дисплей действует как “затравка” в ситуации межличностного общения. Демонстрация принадлежности по полу предшествует основной коммуникации и завершает ее, действуя как переключающий механизм (scheduling). Феминистские конструктивисты К. Циммерман и Д. Уэст считают, что Гофман недооценивает “проникающую способность” гендера, и показывают, что гендерный дисплей работает не только в моменты переключения видов деятельности, но пронизывает все уровни взаимодействия.

Вездесущность гендера связана, в частности, с дискурсивным строением речи. Грамматические формы родов, присутствующие во всех письменных языках, закрепляют женственность и мужественность как структурные формы и создают основу для исполнения партий мужчины и женщины в самых многообразных контекстах. Любая ситуация взаимодействия, реальная или виртуальная, гендерно специфицирована, и чтобы преодолеть это, надо изменить не только “повседневные практики”, но и дискурсивные структуры языка, что пытаются делать радикальные феминистки.

Сферы конструирования гендерных отношений

Деконструкция мужественности/женственности показывает, что в основе гендерной организации социальной реальности лежат отношения власти. В современном обществе отношение мужского и женского предстает как отношение различия, основанное на неравенстве возможностей. Асимметрия отношений подчеркивается гендерным дисплеем, который маскирует дискриминацию под различие. В современном обществе устойчиво воспроизводится гендерное неравенство. Так, анализ речевой коммуникации мужчин и женщин показывает, что женщина менее активна, больше слушает, меньше

говорит. В сфере профессиональной деятельности женщины, как правило, занимают исполнительские позиции. Аналогичная ситуация складывается в сфере политики.

Средства, используемые обществом в публичной и частной сферах для создания мужского и женского как неравного во многом определяются культурно-этническими особенностями. Один из наиболее показательных примеров – дискуссия о сексуальных домогательствах на работе. Острота этой темы в общественном мнении американцев хорошо известна. В России американские инструкции-памятки по сексуальным домогательствам на рабочем месте кажутся нелепостью. Социальная некомпетентность данного текста как руководства для борьбы с сексуальными домогательствами в России не требует доказательств. Вызывают смех указанные в “Памятке по технике безопасности и средствам самозащиты” основные типы сексуальных приставаний: “хватания любые, включая мимолетные”, “комментарии на тему одежды”, “вторжение в личное рабочее пространство”. Вероятно, в оценке данной ситуации как неуместной важную роль играет эротизированность российского гендерного дисплея. Кросскультурное исследование, проведенное Д. Робисон в Санкт-Петербурге, показывают, что домогательство имеет в российском контексте иной смысл, чем в США [14]. Флирт на работе считается нормой гендерных отношений. Если с некоторой натяжкой можно сказать, что сексуальное насилие выходит за рамки социально компетентного гендерного поведения, то эротически окрашенное отношение рассматривается не как депривация, а как стилевой элемент российской гендерной культуры.

Гендерное измерение политики проблематизирует не только соотношение мужчин и женщин в электорате и органах власти, но и диспозиции политической элиты, типы карьер, механизмы компенсации дефицитов власти за счет ресурсов гендерного маскарада, воспроизводящегося средствами массовой информации. Построение имиджа политического лидера как супермена и использование обаяния как козыря в политической карьере женщины – наиболее явные примеры использования гендерных ресурсов в политических отношениях [15].

Особая сфера создания гендерного порядка – частная жизнь. Семья, отношения дружбы, сексуальность, забота являются собой квинтэссенцию женского опыта и одновременно источник подавления женщины домашним миром, куда она была вытеснена модернизационным проектом. Соотношение частной и публичной сфер определяет конструирование отношений власти между полами. Незрелая публичная сфера ведет к кризису традиционной маскулинности, которая не может реализоваться в чуждой ей частной сфере, где доминируют женщинами и, прежде всего, женщины старшего поколения, своего рода “Кабанихи”.

Возможно, самая главная сфера конструирования гендера – формирование личности ребенка. В данном случае вместо понятия полоролевой социализации конструктивистами используется понятие рекрутирования гендерной идентичности. Полоролевая социализация не предполагает социального неравенства. Гофман, перефразируя К.Маркса, заметил, что не религия, а гендер является опиумом народа: утомленный депривированный мужчина,

тип, порожденный современным капитализмом, всегда и везде найдет женщину, выполняющую функцию заботы и обеспечивающую уход, женщину, которая является обслуживающим персоналом по призванию [16, р. 203]. Именно такая идеология подвергается сомнению и преодолевается феминистским движением. Люди творят новый гендер, изменяя отношения господства и подчинения в процессе рекрутирования социальных идентичностей. Приписывая себе пол, ребенок идентифицирует себя как социально компетентного субъекта, стремится к тому, чтобы быть взрослым в глазах других людей. Дети младшего дошкольного возраста идентифицируются окружением именно как дети, но в процессе взросления они отказываются от своей идентификации с ребенком – нерациональным, социально некомпетентным существом, чтобы стать мужчиной или женщиной [13].

* * *

Теория социального конструирования гендера основана на различии биологического пола и социальной категории принадлежности к полу. Гендер, рассматриваемый как работа общества по приписыванию пола, конструируется как отношение неравенства и дискриминации. При этом отношения между мужским и женским как социальными категориями могут изменяться. Деконструкция гендера представляет собой контекстуализацию представлений о мужском и женском с целью обнаружения в них отношений неравенства и гегемонии. Особое значение для контекстуализации имеют категории этничности и класса. При этом гендер, класс и этничность не существуют обособленно, а образуют синдром идентичности и контекста [17]. Контекстуализация гендерных отношений предполагает вполне определенные теоретическую и политическую позиции исследователя, ориентированного на преодоление социального неравенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tuttle L.* Encyclopedia of feminism. New York: Arrow Books, 1986.
2. *Hooks B.* Feminist theory: From margin to centre. Boston: South End Press, 1984.
3. Social construction of gender / Ed. by J. Lorber, S. Farrell. London: Sage Publications, 1981.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
5. *Scheler M.* Wissensformen und die Gesellschaft // Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens. Bern, 1960.
6. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
7. *Parsons T., Bales R.F.* Family, socialization and interaction process. New York: Free Press, 1955.
8. *Komarovsky M.* Functional analysis of sex roles // American Sociological Review. 1950. No. 15. P. 508-516.
9. *Goffman E.* Gender display // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1976. No. 3. P. 69-77.
10. *Goffman E.* The arrangement between sexes // Theory and society. 1977. No. 4. P. 301-331.
11. *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.
12. *Butler J.* Gender trouble. London: Routledge, 1990.

13. Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера / Пер. с англ. Е. Здравомысловой // Гендерные тетради: Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Вып. 1. СПб., 1997.
14. Robison J. Exclusivity and opposition: Femininity and masculinity in Russian society / EUSP; Gender Studies Program. 1998. Manuscript.
15. Темкина А. Женский путь в политику: гендерная перспектива // Гендерное изменение социальной и политической активности в переходный период: Труды Центра независимых социальных исследований. Вып. 4 / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 1996. С. 19-32.
16. The Goffman reader / Ed. by Ch. Lemert, A. Branaman. London: Blackwell Publishers, 1997.
17. Anthias F., Uuval-Davis N. Contextualizing feminism – gender, ethnics and class divisions // Feminist Review. 1983. No. 15.